

art&cult

артікульт

Российский государственный гуманитарный университет / Факультет истории искусства

№4 (1-2012)

И.С. Булкина

«РУССКАЯ ИСТОРИЯ В КАРТИНАХ»: АНДРЕЙ ИВАНОВ «ПОДВИГ КИЕВЛЯНИНА»

В статье прослеживается судьба одного из т.н. "рекомендованных сюжетов" о "мужестве киевлянина". В известный момент (1800-1810-е годы) он составлял параллель "сусанинскому" сюжету (простой русский человек – спаситель престола и отечества) и был популярен в "опере спасения" и "исторической живописи". Сюжет о малом герое, побеждающего противника хитростью (от библейского Давида до сказочного Мальчика-с-пальчика) вполне традиционен и воспроизводит известную мифологическую схему.

Ключевые слова: Андрей Иванов, Ломоносов, "мужество киевлянина", "рекомендованные сюжеты", "опера спасения", исторический анекдот, Иван Сусанин.

The article investigates development of one of the "recommended fables" in the Russian Empire at the time of Napoleonic wars. This fable, about ordinary man in ancient Kiev (Kyiv) as "savior of the Throne and Fatherland", was popular in opera librettos and historical monumental painting. This fable belongs to the deep tradition, with biblical (young David) and mythological (Tom-Thumb and so on) roots, as result of the mythological scheme of salvation act.

Keywords: Andrej Ivanov, Lomonosov, Courage of Kievan Man fable, recommended fables, opera libretto on salvation, anecdote from history, Ivan Sousanin.

Булкина И.С. - старший научный сотрудник Украинского центра культурных исследований (Киев, Украина). E-mail: inna001@rambler.ru.

В культурной ситуации рубежа XVIII-XIX в. отдельную тему составляют т.н. «рекомендованные» исторические сюжеты. Начало «рекомендательным спискам» положил в 1765 году М.В.Ломоносов, направив в недавно учрежденную Академию художеств «Идеи для живописных картин по русской истории». Спустя несколько десятилетий в этом «жанре» выступил Н.М. Карамзин, опубликовав в «Вестнике Европы» (1802, ч. 6) статью «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину N.N.». Адресат «Письма» — тогдашний Президент Акаде-

мии художеств гр. А. М. Строганов, ему принадлежала «патриотическая идея» «задавать художникам предметы из отечественной истории». «Письмо» Карамзина отчасти продолжает и расширяет ломоносовский список, хотя в известном смысле со списком этим полемизирует.

В этой статье речь пойдет об одной из таких «рекомендованных идей» в исторической живописи и об «анекдотической опере» (или «опере спасения»), — именно так исследователи называют популярные в 1810-х гг. оперы с героическим национальным сюжетом [Черкашина: 109–111].

Опера А. Титова на текст А. Княжнина «Мужество киевлянина, или Вот каковы русские» была поставлена в 1817 г., на два года позже аналогичной «анекдотической оперы» Кавоса-Шаховского «Иван Суссанин» (1815) и была «параллельна» ей и по сюжету, и по жанру. Тема ее — осада Киева печенегами и подвиг простого киевлянина, хитростью сумевшего пройти через вражеский лагерь и известить воеводу Претича о бедственном положении города и княжеской семьи.

В отличие от «сусанинского сюжета», который впервые возникает в качестве «анекдота исторического» в «Словаре географическом Российского государства» Афанасия Щекатова (1804), в эпизод о «киевском отроке» встречается, со ссылкой на Нестора, у всех историков — от Ломоносова и Татищева до Карамзина и С. Глинки. Вот как он выглядит в «Повести временных лет»:

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу, и нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: "Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам". И сказал один отрок: "Я проберусь", и ответили ему: "Иди". Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: "Не видел ли кто-нибудь коня?". Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: "Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам". Воевода же их, по имени Претич, сказал: "Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав". И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: "Кто это пришел?". А тот ответил ему: "Люди той стороны (Днепра)". Печенежский князь спросил: "А ты не князь ли?". Претич же ответил: "Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество. <...> И отступили печенеги от города... [ПВЛ: I, 244–245].

«Подвиг киевлянина» входит в число «рекомендованных» сюжетов: «Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр» находим в «Идеях для живописных картин из русской истории» М. В. Ломоносова. В ломоносовском списке это едва ли не единственный сюжет, настоящий герой которого не имеет имени. Ключевым эпизодом здесь становится героическое «переплытие <...> через Днепр», — таким образом, безымянный киевлянин оказывался в ряду античных и библейских «пловцов», мифологических спасителей. С другой стороны, ломоносовское описание предполагает изображение некой водной баталии, столь характерное для художественной идеологии в петровскую эпоху:

В переднем месте представить на одной половине печенежские палатки со стреляющими за пловцом печенегами, но он безвредно переплывает за Днепр к российскому стану, чтобы подать весть о бедности и тесноте в городе и тем побудить войско к нападению на неприятеля судами [Ломоносов: VI, 372].

В аналогичном «академическом списке» Карамзина сюжета о безымянном киевском отроке нет. Главным поэтическим героем древней российской истории, по Карамзину, должен был стать блистательно отсутствовавший в сюжете о спасении княжеской столицы Святослав, — сей «прямодушный рыцарь» и «древний Суворов России». Однако, как заметил позднее Пушкин, «тьнь Святослава скитается невоспетая», и можно лишь гадать, почему карамзинский призыв не был услышан поэтами и академическими живописцами. Не исключено, что известное на тот момент подробное и колоритное описание «древнего Суворова», дошедшее через византийских историков, откровенно не вязалось с идеальными античными пропорциями высокого классицизма. Безымянный же отрок легко вписывался в классический канон: он не имел индивидуальных черт, был отважен и хитер, подобно юным героям греческих мифов. Академические живописцы изображали его быстроногим как Меркурий и прекрасным как Давид.

Неупомянутый у Карамзина сюжет о «подвиге киевлянина», спасшего нелюбезную Святославу российскую столицу, вошел, тем не менее, в самый полный из «академических перечней» — «Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славенского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе» А. Писарева (1807) и оттуда перекочевал в академические классы. В «Прогулке в Академию Художеств» Батюшков упоминает «резные камни <...> г. Есакова», «один изображает Геркулеса, бросающего Иоласа в море, другой Киевлянина, переплывшего Днепр» [Батюшков: 334]. Античный ряд не случаен. На картинах Андрея Иванова «Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году» (ок.1810) и «Единоборство князя Мстислава Владимировича Удалого с косожским князем Редедей» «мо-

лодой киевлянин» и Мстислав — это своего рода греческие близнецы, идеальные герои исторической живописи, скроенные по античным образцам.

Вопреки Ломоносову и во всем следуя за А. Писаревым, Андрей Иванов изобразил не «смелое переплытие россиянина через Днепр», но проход хитрого «киевского отрока» через печенежский лагерь.

По жанру эпизод о безымянном «киевском отроке» близок к историческому анекдоту. Очевидно, он восходит к некоему преданию с архетипическим сюжетом: малый герой (здесь — подросток), не равный противнику по силе, побеждает его хитростью. Подобный сюжет о малом герое (от библейского Давида до сказочного Мальчика-с-пальчика) вполне традиционен и воспроизводит известную мифологическую схему. Историческое предание отбирает факты, отвечающие такой схеме. Отметим, что раннее предание — в том виде, в котором оно описано в «Повести временных лет», представляет именно такую схему: некий отрок вызывается одолеть «силу великую» печенегов хитростью, пробирается через лагерь; уздечка и несуществующий конь играют роль волшебного предмета и помощника. Завершает сюжет переправа, здесь появляется исторический персонаж воевода Претич, а мальчик из повествования исчезает. Дальнейшая судьба его историка не интересует.

В 1810-е гг. эпизод о хитром киевском отроке составляет пару сусанинскому сюжету, и мы предполагаем здесь общие жанровые предпосылки.

История о мужественном костромском крестьянине, сбившем поляков со следа и спасшем Михаила Романова, определяется как «русский анекдот» (сначала в «Словаре» Щекатова в 1804-м, затем в «Друге просвещения», 1805, № 1). Подобного рода «анекдоты» и исторические «пантеоны» играли ту же роль, что и академические «рекомендованные сюжеты». Аналогичные истории, регулярно появляющиеся в журнальном разделе «Русский анекдот», связаны «с особой патриотической задачей издателей. Их целью был подбор примеров из отечественной истории и современных происшествий, которые бы воплощали античный героический канон» [Велижев: 196–197]. Сусанин здесь уподобляется Горацию, и точно так же на соседней странице кн. Я. Ф. Долгорукий приравнивается к Катону: «Се, Россы, ваш Катон, Князь славный Долгоруков! / Се верный образец отечества сынов».

Остается лишь добавить, что «исторический анекдот» занимает особое место в жанровом репертуаре русской прозы конца XVIII в., отделы анекдотов часто встречаются в журналах. В большинстве своем это анекдоты о выдающихся исторических персонах (таковы самые известные сборники — И. Голикова и Якоба фон Штелина). Однако чуть позже, в эпоху сентиментализма обретают популярность анекдоты о благородном поведении простых лю-

дей. Таков раздел «Российские анекдоты» в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), «Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим» (1798). Представляется, что «русский анекдот» об Иване Сусанине, равно как и эпизод о безымянном киевском отроке, спасшем княжескую семью, наконец, подвиг Козьмы Минина, о котором настойчиво напоминает Карамзин в том же «академическом списке», суть предметы одного порядка. Они описывают подвиг простых людей, спасителей престола и отечества, и обращение к такого рода сюжетам характерно и закономерно в 1800-1810-х гг., в годы наполеоновских войн и патриотического подъема. Эта модель – простой человек, «народный герой» и «спаситель отечества» востребована в процессе формирования актуальной идеологемы «национального героя». Однако уже здесь становится очевидна грань между «древней» старокиевской историей и «новой» историей Московского царства. Активной идеологизации подвергаются главным образом сюжеты из «московской истории», и к 1830-м это становится все более очевидно.

Однако в 1800-е годы сюжет о «мужестве киевлянина» чрезвычайно популярен в академических классах, и тогда же он становится темой «эпического опыта в стихах» Е. Люценко («Чеслав», 1806). В сочинении Е. Люценко безымянный отрок получает имя, а в позднейшем либретто А. Княжнина («Мужество киевлянина, или Вот каковы русские»), подобно «Ивану Сусанину» Шаховского, обрастает т.н. «биографическим нарративом». Опера А. Титова – А. Княжнина начинается как лирическая история с любовным треугольником: у юноши по имени Русин есть возлюбленная Вельмила, незадачливый поклонник Вельмилы комический старик Простен чинит им козни и т.д. Но ближе к кульминации опера переключается в историко-героический план, Русин совершает свой подвиг, воевода Свенельд, единственный здесь «исторический» персонаж, исполняет балладу «О Киев, древний град», а завершается все сакраментальной грозой («Гроза наступает, уйдемте все прочь!»). «Грозовой финал» отвечает тогдашнему оперному канону, равно как и буря над Днепром, которой не было в летописном источнике, в 1810-1820-е гг. приобретает характер обязательного «киевского топоса».

Опера о «мужестве киевлянина» составляла очевидную аналогию опере о подвиге костромского крестьянина, она была поставлена в 1817 г., и подобно «анекдотической опере» Шаховского-Кавоса «создавалась в контексте национально-патриотического подъема эпохи 1812 года» [Киселева 1997: 284]. Характерно, что и «эпический опыт» Люценко увидел свет лишь в 1818 г. (сначала в «Соревнователе», а затем отдельным изданием), на той же «оперно-героической» волне. Однако в дальнейшем, как мы знаем, судьбы

двух «анекдотических» сюжетов расходятся. «Сусанинский» — с подачи Жуковского — используется при создании первой русской национальной оперы, и, подобно гимну «Боже, царя храни», ложится в основание государственной мифологии — «мифологии христианского царства, основанного на любви подданных к монарху» [Киселева 1997: 298]. Костромской крестьянин Иван Сусанин в 1830-е гг. «стал воплощенной уваровской триадой, той осязаемой православно-монархической народностью, которая у самого Уварова оставалась абстрактной величиной, неприятно напоминавшей национальный суверенитет Руссо» [Живов: 52]. Архаический киевский сюжет оказывается неактуален в активно складывающейся «мифологии христианского царства». Хотя Киев во второй половине 1830-х гг. обретает новую историческую и идеологическую нагрузку, но востребованным в этой ситуации оказался лишь православный концепт: «колыбель веры», Киев Владимира. Древняя киевская история делится на две части — языческое баснословие и собственно православная история. Граница между ними проходит через эпоху Крещения, и времена Святослава обретаются в языческой баснословной тьме. Подобно тому, как историческое предание отбирает некие факты, сообразуясь с мифологической схемой, так и новая мифология отбирает из всего множества исторического и псевдоисторического материала лишь то, что укладывается в выстраиваемую на этот момент конструкцию. «Сусанинский сюжет» оказался в ней уместен и необходим, параллельный эпизод о «мужестве киевлянина» оказывается на периферии жанрового пространства и перемещается в «детское чтение».

В середине 1830-х гг. эпизод о спасении княжеской столицы от печенегов вполне закономерно был включен в «Историю России в рассказах для детей» Александры Ишимовой. Жанр этой книги был весьма проникательно определен Белинским: «рассказы, соединяющие в себе всю занимательность анекдота с достоверностью и важностью истории» [Белинский: IV, 470]. Добавим, что в известном смысле «историю для детей» Ишимовой можно уподобить осуществленному в те же годы издательскому предприятию А. Прево — «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах». Она тоже была адресована «русскому юношеству» и стала своего рода завершением просветительского проекта «рекомендованных сюжетов».

Итак, анекдот об Иване Сусанине ложится в основание государственной идеологии, эпизод о киевском отроке обретается в «детском чтении». Правда, в изложении Александры Ишимовой он несколько отдален от исходного текста «Повести временных лет» и в большей степени напоминает поздний просветительский «анекдот о добром царе», настоящий сюжет которого — «воздаяние по заслугам».

... К Киеву пришли страшные печенеги. Вы помните этот злой народ, который еще при Игоре поселился со своими шатрами вблизи России? Они боялись храброго Святослава, но, когда узнали, что он ушел далеко от своей земли, напали на Киев, а воевода русский Претич и с ним немного войска стояли на другой стороне Днепра, так что бедные киевские жители не могли даже сказать своим защитникам, что они в опасности. Русская столица и все семейство Святослава, верно, погибли бы, если бы не нашелся один смелый пятнадцатилетний мальчик, который спас их.

Он надел такое же платье, какое носили печенеги, взял в руку уздечку и вышел из города в поле, будто бы искать свою лошадь. Печенеги не заметили, что это русский, и пропустили его через свое войско. Когда же он дошел до берега, то сбросил с себя платье и поплыл. Тут опомнились неприятели и пустили в него множество стрел, но он был уже далеко, в кругу своих, которые встретили его в лодке. Претич, узнав, что Киев в опасности, тотчас велел воинам своим приготовиться к сражению и на рассвете поехал на лодках к городу с громкой военной музыкой. Печенеги, которые боялись одного имени Святослава, испугались, думая, что сам Святослав возвратился из Болгарии. Тут уж им было не до того, чтобы идти к Киеву: они думали, как бы спасти самих себя, и тотчас же удалились от города, а жители киевские с радостью вышли встречать своих избавителей. Тогда было очень весело в Киеве. И вы, верно, догадаетесь, кому было всех веселее? Точно, доброму молодому киевлянину было всех веселее! Он сделал более, нежели Претич и все его воины. Он мог сказать себе: «Я хотел умереть за мое отечество и за детей моего государя! Я спас всех!» Вы можете представить себе, как щедро наградил его Святослав, который вскоре приехал в Киев. [Ишимова: 12].

Здесь замечательно то, как Ишимова, во всем следуя канону, в какой-то момент идет дальше летописца, – она продолжает сюжет там, где останавливается составитель «Повести временных лет» и добавляет именно те акценты, которые диктует «новое предание». Фактически, перед нами рассказ о простом человеке из народа, спасшем престол и отечество и за то щедро вознагражденном своим государем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюшков: Батюшков К. Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934.

Белинский: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959.

Велижев-Лавринович: Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона // НЛО. 2003. № 63. С. 186–204.

Живов: Живов В. М. Иван Сусанин и Петр Великий // НЛО. 1999. № 38. С. 51–65.

Ишимова: Ишимова А. И. История России в рассказах для детей. М., 1993.

Карамзин: Карамзин Н. А. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину N.N. // Вестник Европы. 1802. Ч. 6. С. 289–308.

Киселева 1997: Киселева Л. Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник II. М., 1997. С. 279–302.

Киселева 2004: Киселева Л.Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX века // Лотмановский сборник III. М., 2004. С.69-92.

Ломоносов: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1950–1983.

Люценко: Люценко Е. Чеслав. СПб., 1818.

Никанорова: Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.

Писарев: Писарев А. Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славенского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе. СПб., 1807.

ПВЛ: Повесть временных лет. М.; Л: АН СССР, 1950.

Рогов: Рогов К. Три эпохи русского барокко // Тыняновский сборник. М., 2006. Вып. 12. С. 9–101.

Соревнователь: Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей российской словесности). 1818. № 2.

Черкашина: Черкашина М. Историческая опера эпохи романтизма. Киев, 1986.